Мы живем на этом свете десятки лет и прежде, чем осознать, какой путь — верный, успеваем усвоить одну простую истину: чего делать нельзя.

Нельзя лгать, нельзя бегать на красный свет, нельзя обижать слабых.

Словом — нельзя выделяться, совершая то, от чего другие воротят нос.

Но знаете что? Порой лишь на закате жизни начинаешь понимать: есть вещи, которые стоит сделать, какими бы неуместными или безрассудными они ни казались.

Жаль только, что озарение это обычно приходит слишком поздно, когда мы становимся совсем старыми.

——15 ноября 2004 года

«Средняя школа Яли» гремела на всю страну не только из-за заоблачного процента поступивших в вузы. Директор Чжао прекрасно понимал: без интеграции в мировое сообщество будущего нет. В итоге школа превратилась в гремучую смесь из японской формы, американских столовых, гонконгских методик преподавания и французских апартаментов. Все это цвело и пахло в таком диком беспорядке, что посторонние мечтали сюда попасть, а те, кто уже был внутри, — поскорее сбежать.

Возьмем, к примеру, ежегодный зимний эстафетный марафон в честь первокурсников. Маршрут пролегал от восточной части города к западной, петляя по улочкам и переулкам добрых сорок километров. Новобранцы бледнели при одном упоминании этого забега, зато жителям Пекина было на что поглазеть.

— Учитель Сяо, ну не могу я найти людей… — Линь Илинь с несчастным видом положил на кафедру злосчастный список. — Никто не хочет участвовать.

Сяо Янь небрежно пролистал бумаги:

— Трое уже есть. Найди еще одного — и дело в шляпе.

— Но… — Линь Илинь, всегда робевший перед учителями, пребывал в глубоком унынии.

Всю неделю он убеждал каждого встречного, сорвал голос, но добился лишь того, что от него начали шарахаться, как от чумного.

— А он быстро бегает! — Сяо Янь вдруг расплылся в улыбке и указал на Чэнь Лу, который на задней парте откровенно маялся дурью.

Линь Илинь только вздохнул. Этот «молодой господин» даже дежурить лишний раз не соизволит, с чего бы ему вдруг лезть вон из кожи ради класса, рискуя свалиться в обморок от усталости?

Почувствовав неладное, Чэнь Лу мгновенно сообразил, что добром улыбка учителя не кончится. Он тут же рухнул на парту, мастерски прикинувшись спящим.

— Оставляю это на тебя. Иди на урок, — Сяо Янь с улыбкой взял учебник.

— Чэнь Лу, — Линь Илинь впервые за всё время решился заговорить с ним прямо во время занятия.

— Чего тебе?.. — Принц Лу, лениво вычерчивая каракули в тетради, отозвался крайне холодно.

Линь Илинь мысленно вознес молитву и, изменив своей привычной сдержанности, заискивающе начал:

— Слушай, ты ведь отлично развит физически, верно?

— Еще бы, — без лишней скромности подтвердил тот.

— И ты человек широкой души.

— Угу, — Чэнь Лу снова кивнул.

— Тогда запишись на эстафету в четверг! С тобой наш класс точно победит, — выпалил Линь Илинь на одном дыхании, воодушевленный тем, что Чэнь Лу вообще вступает в диалог.

Тот ответил без колебаний:

— Ни за что.

— Почему?

— С какой стати мне бежать десять километров просто так? Весь взмокну, запачкаюсь… Не пойду.

Аргументация была железобетонной.

— Но даже Ду Вэй записался… — Линь Илинь не сдавался.

Чэнь Лу с нескрытой досадой обернулся на приятеля, который, обзаведясь новой прической, увлеченно делал селфи.

— Только дураки и те, у кого гормоны играют, лезут на рожон ради пустой славы.

С этими словами он отвернулся к окну и продолжил методично уничтожать свой учебник. Линь Илинь, подавив раздражение, замер на пару секунд, а затем, словно по наитию, решительно вписал имя в регистрационный лист.

***

В буднее утро в кофейне было почти пусто. Точнее, посетителей было всего двое — в самом дальнем углу. Девушка выглядела так, будто собралась на бал, парень же — словно готов был испустить дух прямо на месте.

— Эй! — Чжао Цзывэй, возмущенная отсутствием внимания, отвесила Чэнь Лу звонкий подзатыльник. — Я впервые пригласила тебя на свидание, что за мина?!

Чэнь Лу, подперев челюсть рукой и полузакрыв глаза, пробормотал:

— Я спать хочу. Радуйся уже тому, что я вообще пришел.

Разглядывая его лицо, которое при любом освещении оставалось безупречным, Чжао Цзывэй вздохнула:

— Надо же, прогресс в китайском налицо. Уже выучил слово «радуйся»…

— Ты что-то конкретное хотела? — Чэнь Лу вяло помешал ложечкой латте и сделал глоток.

Чжао Цзывэй, накручивая прядь волос на палец, зашла издалека:

— Что ты думаешь о Ду Вэе?

— Нормальный парень.

— И чем он хорош?

Чэнь Лу ответил на полном серьезе:

— Анекдоты отлично травит.

— Чушь какая… — Чжао Цзывэй опустила глаза, и ее вечная веселость куда-то испарилась. — Мама хочет, чтобы мы обручились.

— Ну и обручайтесь. Вы отличная пара.

— С чего вдруг?

— Ты тоже мастер шутить…

Сказав это, Чэнь Лу на всякий случай вжался в спинку дивана, ожидая, что в него сейчас что-нибудь полетит.

— Ты можешь хоть раз поговорить серьезно?! — Чжао Цзывэй взорвалась. Она с такой силой хлопнула ладонью по столу, что бедный официант вздрогнул.

Чэнь Лу немного помолчал, а затем произнес:

— По-моему, это не трагедия. Вы оба ни в кого не влюблены. Обручение — еще не свадьба. Можно просто подыграть родителям, чтобы не лезли, а там видно будет. Вы молоды, всё еще сто раз изменится.

Чжао Цзывэй долго смотрела на него со странным выражением лица.

— А ты всегда делаешь то, что велит мать?

— Она на меня не давит, а я и не ищу поводов для бунта, — пожал он плечами.

— Это потому, что ты еще не нашел того, ради чего готов пойти на всё… — Чжао Цзывэй закрыла лицо руками. — Мне всего пятнадцать. Я ни разу по-настоящему не любила, не исполняла свои мечты, не боролась ни за что… А они уже расписали мою жизнь по нотам.

— Чжао Цзывэй. — Чэнь Лу впервые видел эту девушку в таком отчаянии и неловко коснулся ее плеча.

Она глубоко вздохнула и подняла голову. На губах снова играла привычная яркая улыбка.

— Решено. Я расстаюсь с Ду Вэем и перевожусь в другую школу. Хочу узнать, что такое свобода. — Она лукаво прищурилась. — Передай Ду Вэю: дело не в нем, он классный парень. И шутки у него смешные.

— Зачем такие крайности? У тебя и так самая легкая жизнь, о которой можно мечтать.

— Легкая — не значит осмысленная. У меня ничего нет своего. Только когда найдешь то, что любишь, и сможешь прижать это к сердцу — только тогда ты по-настоящему живешь.

Чэнь Лу промолчал. Возразить было нечего.

— Ладно, пошли. Поможешь мне подстричься. В обычной районной школе, куда я собралась, с такими локонами не походишь.

Он посмотрел на ее роскошные волосы, которым завидовали все девчонки в Средней школе Яли. Изумление в его душе мешалось с невольным уважением. В конце концов он одарил её своей фирменной улыбкой:

— Пошли.

— Мне нужен лучший мастер. Я эти волосы с детства растила, — глаза Чжао Цзывэй предательски заблестели, но она держалась.

— Будет тебе лучший, — мягко ответил Чэнь Лу.

***

Парикмахерская

В просторном зале играла тихая музыка. Интерьер в пастельных тонах, антикварные растения в кадках и панорамные окна, из которых открывался вид на шумные пешеходные улицы Пекина, создавали атмосферу исключительного покоя.

Чэнь Лу, привыкший к подобным местам, сразу устроился на диване у окна и лениво листал журнал.

— Желаете воды, господин? — вежливо поинтересовалась девушка-администратор, принеся напитки и легкие закуски.

— Нет, спасибо.

Девушка, как и все работники индустрии красоты, была не прочь поболтать:

— Вы ведь еще учитесь? В какой школе?

— В Средней школе Яли, — бросил он, не поднимая глаз.

— О, солидное заведение, — улыбнулась она. — Кажется, у вас сегодня марафон через весь город? Я видела на улице толпы студентов.

— Угу, — буркнул Чэнь Лу, подумав про себя, что если бы не эта беготня, учитель Сяо уже давно загнал бы его на уроки.

— Хорошее время — студенчество, — девушка выглянула в окно. — Смотрите, какие у вас там красавчики бегают! Вон тот мальчик — вылитый Такаси Касивабара.

Со времен начала учебного года это сравнение действовало Чэнь Лу на нервы. Он невольно фыркнул, но что-то заставило его подойти к окну.

Внизу, в спортивной форме первого класса, усердно разминался… Линь Илинь.

Все высокомерие и пренебрежение к марафону испарились в одно мгновение. Чэнь Лу рванул вниз, на ходу бросив девушке кредитку:

— Расплатитесь за ту девчонку в кресле. И скажите мастеру, чтобы не стриг слишком коротко!

Зимний ветер уже покусывал за щеки. Чэнь Лу запахнул куртку и быстрым шагом направился к старосте, ожидавшему своей очереди на передачу эстафеты.

— Ты что тут забыл?! — он схватил Илиня за плечо. — Ты же с ума сойдешь! Десять километров без подготовки — это верная смерть.

— О, ты здесь? А я думал, ты гуляешь, — Линь Илинь искренне удивился.

— Ты в своем уме?! — Чэнь Лу чуть ли не тряс его. — Зачем тебе это?

Линь Илинь высвободил руку и спокойно посмотрел ему в глаза:

— Я не люблю проигрывать. Я староста, и мой класс тоже не должен плестись в хвосте.

Не дожидаясь ответа, он вернулся на стартовую позицию своего этапа. Гул толпы нарастал. Линь Илинь сорвался с места.

Чэнь Лу долго стоял в оцепенении. Только спустя минуту до него дошло: в забеге участвуют лучшие спортсмены школы, почти профессионалы. Твое «не люблю проигрывать» тут не поможет, дурак!

Человеческие возможности имеют предел, и через полчаса бега Линь Илинь осознал это на

собственной шкуре. Он уже не понимал, сколько осталось до финиша, кто на него смотрит и сможет ли он сделать хотя бы еще один шаг.

Воздух стал густым, как свинец, в горле разлился металлический привкус крови, а пот заливал глаза, пропитывая волосы. Но Линь Илинь не думал останавливаться. Он не остановился, когда после смерти отца и болезни матери остался один в крохотной лачуге. Не остановился, когда его дразнили и избивали сверстники. Не остановился, когда мучительно долго, до хрипоты, зубрил английский перед старым деревом, пытаясь догнать однокурсников… С чего бы ему сдаваться сейчас, на какой-то дистанции?

Староста Линь, привыкший пахать за двоих там, где другим всё давалось легко, был по-своему непобедим.

Когда он, почти ничего не видя перед собой, добрался до последнего пункта передачи, перед ним возник высокий силуэт с каштановыми волосами. Сознание на миг прояснилось, и Линь Илинь ошалело протянул руку.

Чэнь Лу яростно выхватил эстафетную палочку, бросил на него взгляд, полный непонимания и скрытой злости, и умчался вперед.

В тот день «принц» пришел к финишу первым. Когда Директор Янь позвонила сыну из Чунцина, она не скрывала гордости: ее тронуло, что сын наконец-то проявил командный дух.

Сам же Чэнь Лу, летевший по трассе быстрее ветра благодаря отличным генам и тренировкам, всё не мог взять в толк: как этот заучка мог так серьезно отнестись к скучной школьной забаве?

Впрочем, взмокший Линь Илинь с прилипшими ко лбу волосами выглядел куда приятнее, чем обычно. В толпе он казался драгоценным камнем, излучающим тихий, но ровный свет.

А когда Чэнь Лу пересек финишную черту, Линь Илинь, приехавший туда на машине сопровождения, первым бросился к нему. Он прыгал от радости и в порыве чувств крепко, по-мужски, обнял Чэнь Лу.

Этого было достаточно, чтобы Чэнь Лу, в голове которого уже роились совсем не дружеские мысли, окончательно поплыл. Он воспользовался моментом и не слишком честно прижал Илиня к себе подольше.

В памяти всплыли слова Чжао Цзывэй:

«Найти то, что любишь, и крепко прижать к себе — только тогда это по-настоящему твое».

Ду Вэй, которого в последний момент лишили права бежать, подошел и хлопнул Чэнь Лу по

плечу:

— Ну ты даешь, чувак! Сначала десять километров на велике, потом еще десятку пешком с такой скоростью… Ты точно марсианин. Тебе на Олимпиаду надо!

http://bllate.org/book/17434/1663141